

УДК 330.11 DOI: 10.14451/1.234.80

Классовый подход к настоящему денег и будущее денег

© 2024 Будович Юлия Ивановна

Профессор Департамента экономической теории, доктор экономических наук, доцент.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва.

E-mail: JBudovich@fa.ru

Ключевые слова: классовый подход, история денег, неортодоксальная история денег, будущее денег, реформа платежной системы.

Статья знакомит экономистов с некоторыми проектами реформ современных банковских денег, показывает, что авторы этих проектов используют для обоснования своих реформ историю денег, то есть ищут будущее денег в их истории. В статье доказывается, что чем последовательнее специалисты по деньгам применяют классовый подход к настоящему денег, тем глубже они в поисках прообраза денег будущего уходят в денежную историю и тем радикальнее ее пересматривают. А непоследовательность классового подхода к настоящему денег приводит к тому, что деньги будущего в их проектах так или иначе продолжают оставаться источником наживы для капиталистов.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на примере работ, посвященных будущему денег, показать, что чем последовательнее в них проводится классовый подход к настоящему денег, тем в более далекой истории денег (в ее трактовке в ортодоксальной истории денег (ОИД)) отыскивается прообраз предлагаемых денег, и тем радикальнее пересматривается история денег ОИД.

Фактологической базой для настоящей статьи послужили работы (в скобках – годы их появления) шведского ученого Маргрит Кеннеди «Деньги без процентов и инфляции» (1993), бельгийского экономиста Бернара А. Лиетара «Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру» (1999) и английских экономистов Эндрю Джексона

и Бена Дайсона «Модернизация денег: Почему наша денежная система не работает и как это можно исправить» (2012). В данных работах, в отличие от тех, которые рассматривались в статье Ю. И. Будович «Классовый подход к настоящему денег и история денег», главное внимание авторов уделяется именно реформированию современной платежной системы, а не ее истории. Тем не менее, неотъемлемой их частью является история денег, и в каждой работе представлена специфическая версия неортодоксальной истории денег (НИД).

Напомним, что классовый подход к настоящему денег состоит в показе того, как современные формы денег обеспечивают обогащение или прекращение обогащения одних классов за счет других классов, прежде всего трудящихся, рас-

смотре современных денег с точки зрения достигнутых трудящимися успехов в борьбе за свои деньги, осуждении современной денежной эксплуатации и одобрении ее ликвидации.

Рассмотрим классовый подход к современным деньгам в книге М. Кеннеди «Деньги без процентов и инфляции» (2011). В анализе современных денег М. Кеннеди сосредоточивается на обогащении посредством капиталистических денег за счет трудящихся всего класса капиталистов, показывает способы соответствующего обогащения. Среди них – завышение цены товаров, приобретаемых трудящимися, на величину процентов, уплачиваемых банкам, их производителями. М. Кеннеди показывает, что реально банковский процент выплачивается не из прибыли промышленных и торговых капиталистов, как пытался представить дело А. Смит, а включается в цену товаров. В плате за вывоз мусора доля процентов составляет 12%, в цене питьевой воды и плате за канализацию – 38 и 47% соответственно, а в арендной плате за пользование квартирами социального жилищного фонда – вообще 77%, а в среднем доля процентов в цене продукции и услуг повседневного спроса составляет 50% [4, с. 14–15].

Другой способ – скрытое перераспределение доходов бедных в пользу богатых через систему банковских процентных платежей и поступлений:

«...Первые 80% населения больше платят по процентам, чем получают, 10% получают несколько больше, чем платят, а последние 10% получают в два раза больше, чем платят. Это в совокупности и есть та часть, которую потеряли первые 80% населения... Для последнего 1% населения столбец доходов от процентов следует увеличить в 10 раз, а для последних 0,1% – более чем в 100 раз» [4, с. 17].

М. Кеннеди рассматривает и такой способ обогащения капиталистов за счет трудящихся посредством современных банковских денег, как инфляция, правда, позиционируя в качестве ее бенефициара только правительство (хотя из-

вестно, что на ней активно наживается бизнес, задерживая пересмотр зарплат):

«...Инфляция действует как другая форма налогообложения, применяя которую, правительство имеет возможность справляться с самыми сложными проблемами растущей задолженности... Правительство может снижать свою задолженность, разрешая эмиссионным банкам печатать деньги... Такое обесценивание больше всего бьет по тем людям, которые не смогли вложить свое состояние в «инфляционностойкую» земельную собственность и т.п., а не по тем, кто принадлежит к небольшой группе населения с наивысшими доходами» [4, с. 20–21].

М. Кеннеди осуждает эксплуатацию трудящихся капиталистами посредством современных банковских денег, например, сравнивает ее применительно к странам третьего мира с войной и испытанием терпения человечества:

«Эта война не была объявлена официально. Это война, оружие которой – ростовщические проценты, манипуляция ценами, нечестные условия сделок. Это война, которая загоняет людей в безработицу, болезни и преступность. До какой поры мы можем это терпеть?» [4, с. 20–21].

Проблемой этого анализа у М. Кеннеди является то, что не рассматривается обогащение за счет трудящихся самой банковской системы, прежде всего, на плате за пользование деньгами.

В работе также рассматриваются современные (на момент выхода работы) деньги трудящихся, однако только деньги LETS, то есть деньги-время не рассматриваются. При этом в оценке перспективности денег LETS М. Кеннеди впадает в противоречие – в теории, по причине отсутствия у них платы за простой, считает данные деньги бесперспективными даже как локальные валюты, но тут же показывает, что при должной организации контроля над соблюдением клиентами эквивалентности обмена деньги LETS могут успешно функционировать и без платы за простой и даже превращаться в общенациональные деньги:

«...Без взыскания платы за обращение здесь существует тенденция к застою... В Швейцарии с 30-х годов в масштабе всей страны работает обменный ринг, называемый WIR, с оборотом 1,5 млрд швейцарских франков. Это одна из немногих удавшихся попыток беспроцентного обмена товаров и услуг... Ринг работает, как и все остальные, с помощью централизованной службы ведения счетов, в рамках которой осуществляется централизованный контроль и учет дебетов и кредитов. На коммерческой базе в США работают многочисленные подобные обменные ринги» [4, с. 86].

При этом, что в минус классовому подходу М. Кеннеди, деньги LETS не рассматриваются с точки зрения того, к ликвидации какой эксплуатации посредством банковских денег привело их внедрение, а также как шаг в борьбе трудящихся за возврат им права печатать деньги. И одобрение они получают лишь как способ подготовки к «настоящей» денежной реформе.

«Практический опыт важен потому, что он всеяет мужество для проведения реформ в требуемом большем масштабе. Однако ни один из этих небольших экспериментов ничего не меняет в тех глобальных мировых проблемах, которые возникли из-за действия сегодняшней денежной системы. Поэтому нельзя терять из виду нашу цель – достижение изменений на национальном и международном уровне в денежном обращении» [4, с. 86–87].

Далее, рассмотрим предлагаемую М. Кеннеди реформу. Корень зла современных банковских денег видится М. Кеннеди в проценте, из-за которого возникающие спонтанно денежные сбережения превращаются в тормоз товарообмена и источник экономических кризисов. Это доказывается исследованиями С. Гезеля:

«В конце XIX века Сильвио Гезель, ...работавший в Германии и Аргентине, заметил, что иногда его товары продавались быстро и за хорошую цену, а в другое время продавались медленно, с тенденцией к снижению цен. Он... понял, что такие подъемы и спады мало зависят от спроса

на его товары или их качества, а почти исключительно – от цены денег на денежном рынке... Люди покупали тогда, когда процентные ставки были низкими и не покупали тогда, когда они были высоки. Причина того, что денег было то меньше, то больше, заключалась в желании или нежелании обладателей денег давать их под проценты. Если они могли получить меньше 2,5%, преобладающей становилась тенденция к тому, чтобы оставлять деньги у себя, что приводило к уменьшению объемов капиталовложений, производившего... к банкротству фирм и уменьшению количества рабочих мест. Если через некоторое время вновь отмечалась готовность людей платить больше процентов за получаемые деньги, они снова охотно предоставлялись... Начинался новый экономический цикл. В его начале процентные ставки и цены на товары были высокими, затем, с постепенным, увеличением товарной и ускоренным увеличением денежной массы, процентные ставки снова снижались и, наконец, снова приводили к «забастовке» капитала» [4, с. 24–25].

И реформа платежной системы страны, предлагаемая М. Кеннеди – в духе предлагавшейся С. Гезелем, усмотревшим причину рассмотренной выше ситуации в отсутствии денег, в отличие от других товаров, платы за хранение:

«Если у... человека есть корзина яблок, а у другого есть деньги, то владелец яблок будет вынужден продать их уже через короткий срок, чтобы не потерять свой товар. А обладатель денег может подождать, пока цена не придет в соответствие с его представлениями. Его деньги не требуют “складских расходов”, а наоборот, дают “выгоду ликвидности”, т.е., имея в кармане или на счете в банке деньги, можно ожидать того, когда наступит удобный момент или цена снизится до такого уровня, когда товар выгодно купить» [4, с. 25].

По С. Гезелю, чтобы освободить экономику от подъемов и спадов, нужно ликвидировать подобную спекуляцию деньгами, для чего необходимо с владельцев денег, наоборот, взимать процент за их простой (на уровне тех же исторических

5% годовых), и эта плата шла бы в экономику на обеспечение равновесия между денежной массой и величиной экономической активности, на покрытие затрат эмиссионного банка и расходов при обмене денег, в Казначейство на целевое погашение долгов [4, с. 25–26].

Безналичные банковские деньги реформируются по схеме, предложенной Ёшиито Отани:

«Денежные вклады на счетах, находящиеся в распоряжении владельца в любое время, могли бы облагаться ежемесячной платой в размере, например, 0,5%, то есть 6% в год. Каждый человек, имеющий на своем счете больше нейтральных денег, чем ему требуется на расходы в текущем месяце, перевел бы разницу во избежание потерь на свой счет в Сбербанке, где они не облагаются платой. Хотя нейтральные деньги и не будут приносить своему владельцу проценты, однако они сохраняют свою стабильную стоимость. (Как только проценты на деньги исчезнут, инфляция будет не нужна...). Кто получает кредит, тоже не платит процентов, а только премию за риск и плату за администрацию кредита, которые и сейчас включаются в любой банковский кредит. Последние составляют от 1,5 до 2,5% от обычных кредитных издержек... Банки продолжали бы функционировать как, и прежде, с той только разницей, что они были бы больше заинтересованы в даче кредитов, поскольку они тоже были бы подвержены действию механизма оплаты за деньги, изъятые из циркуляции. Для обеспечения равновесия между сбережениями и кредитами в банке... будет необходимость введения корректирующего процента в размере $\pm 1\%$. Таким образом, если в банке на сберегательных счетах находится больше денег, чем ему требуется, то он должен платить государству 1%. Если же у банка появятся затруднения с платежеспособностью, то он может получить соответствующую сумму [4, с. 30–31].

Реформа наличных денег такова:

«Можно было бы... печатать банкноты сериями с различной цветной маркировкой и разных размеров; одна из серий раз или два в год без пред-

варительного объявления могла бы изыматься из обращения. Для государства эти затраты не превысили бы расходы, связанные с заменой старых изношенных банкнот на новые, как это принято сейчас» [4, с. 31].

Покажем, что М. Кеннеди весьма ярко раскрывает антинародный характер современных банковских денег, отыскивает прообраз предлагаемых денег в наиболее древней части истории капиталистических денег, представленной в ОИД. Согласно ОИД, первыми капиталистическими деньгами были правительственные монеты, подвергавшиеся постоянной целенаправленной порче правителями. Именно они выступают прообразом предлагаемых М. Кеннеди денег, или денег С. Гезеля, особенно если сравнивать их влияние на экономику и общество:

«Тонкие золотые или серебряные деньги «обесценивались» один раз в год, то есть изымались из обращения и заменялись вновь отчеканенными. При этом они девальвировались на 25%, эта часть удерживалась в качестве... «налога на чеканку». Никто... не был заинтересован в обладании такими деньгами. Вместо этого они вкладывались в мебель, добротные дома, произведения искусства и все то, что имело стабильную или даже увеличивающуюся со временем стоимость. В эту эпоху возникли многие прекрасные произведения религиозного и мирского искусства и архитектуры. Мы и сейчас вспоминаем об этом времени, как о периоде одного из взлетов европейской культуры... «Поскольку накапливать денежные богатства было невозможно, вместо них были созданы реальные богатства». Ремесленники работали пять дней в неделю, был введен «пьяный понедельник» (невыход на работу после праздников), уровень жизни был высоким... Войны... не велись. Поэтому в книгах по истории эта эпоха освещена очень слабо» [4, с. 79].

К сожалению, в работе М. Кеннеди не представлен очерк истории денег с тем, чтобы можно было наглядно подтвердить радикальный пересмотр денежной истории, представленной в ОИД, авторами, активно вскрывающими экс-

плуататорский характер современных банковских денег. Однако из тех крох, которые представлены в книге, формируется следующая начальная история денег по правительственные монеты включительно. Исходным товарообменом был товарообмен, представленный в крестьянских общинах. Первыми деньгами были монеты, возникшие для облегчения товарообмена внутри общины между правителями (вождями, священниками и др.) и остальными общинниками, а не из неудобств случайной мены вещи на вещь, и были в таком случае деньгами символическими.

«Если бы вы, например, жили в деревне, где царит натуральный продуктообмен, и создали бы произведение искусства, то смогли бы обменять его только на гробы и скоро перестали бы заниматься искусством. И так, деньги делают возможной специализацию и служат таким образом основой нашей цивилизации» [4, с. 8]. «Денежной системе... уже более 2000 лет... Сначала деньги были равноценны монетам... С XII по XV век в Европе... деньги... выпускались городами, епископствами и отдельными феодалами. При этом они служили не только для обмена товаров и услуг, но и являлись средством взимания налогов» [4, с. 78–79].

И если начальная история денег, по М. Кеннеди, такова, как реконструированная нами, то она является наиболее радикальным пересмотром начальной истории денег ОИД в сторону здравого смысла и исторической правды, представленной в рассмотренных нами версиях НИД, поскольку соответствует нашей собственной ее реконструкции [5, с. 199–200, 203–204].

Следует отметить, что, судя по отдельным фрагментам, денежная история М. Кеннеди могла бы быть и параллельной историей локальных денег, причем историей не сотрудничества с национальными деньгами, а противостояния, отражающей классовую борьбу на фронте денег, о чем говорит отрывок, в котором отмечается успешность предпринятых в 1930-е гг. в странах мира попыток по введению «свободных» (свободных от процента и предусматривающих плату за их

простой) денег С. Гезеля на местном уровне для борьбы с безработицей, впоследствии пресеченных правительствами [4, с. 27–30], в частности таковой в Австрии, где был проведен успешный эксперимент со «свободными» шиллингами в г. Вергль:

«Когда более 300 общин в Австрии заинтересовались данной моделью, Национальный банк Австрии усмотрел в этом угрозу своей монополии. Он вмешался в дела магистрата и запретил печатание свободных местных денег» [4, с. 28].

О том, что история денег М. Кеннеди могла быть и параллельной историей локальных денег, говорит и то, что исходный товарообмен, которым был товарообмен в общине (см. выше), обслуживался деньгами трудящихся.

Следует, однако, отметить, что, судя по предлагаемой М. Кеннеди реформе денег, отыскание прообраза денег будущего в самой глубокой древности вовсе не означает соответствующей глубины этой реформы. Достаточно сказать, что предлагается сохранить в неприкосновенности современную двухуровневую банковскую систему с ее грабительской платой за пользование деньгами, которая теперь будет еще и увеличена путем введения платы за их простой.

Рассмотрим классовый подход к современным деньгам в книге Б. Лиетара «Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру» (2007).

Б. Лиетар раскрывает способы обогащения, основанные на свойствах современных деньгах, демонстрирует их активное использование банками, даже осуждает последние за это. Он раскрывает, прежде всего, способ, связанный с валютными спекуляциями, которые расцвели благодаря тому, что ценность валют с 1971 г. стала определяться рынком:

«15 августа 1971 года президент Никсон отменил золотое обеспечение доллара, открыв эру валют, чья ценность определяется рынком» [6, с. 54]. «Спекулятивная» торговля... захватила едва ли не весь рынок обмена иностранной валю-

ты [6, с. 49]». «... (Ее – примеч. авт.) объем более чем в 150 раз больше... международной торговли всеми предметами потребления, ... в 100 раз больше, чем... торги всеми акциями на всех рынках акций во всем мире, ... в 50 раз больше, чем объем всех товаров и услуг, произведенных... всеми промышленными странами» [6, с. 48–49]. «Основной объем спекулятивной торговли порожден деятельностью банков, а именно – их отделов валютной торговли» [6, с. 52]. «... Покупка или продажа валюты... гораздо дешевле, чем покупка акций, обязательств или недвижимости. Единственным видом издержек в международном обмене является разница между ценами покупки и продажи, которая фиксируется в прибылях банков» [6, с. 51–52]. «... Информационная революция вызвала взрывное появление на валютных рынках новых методов работы, обычно называемых производными финансовыми инструментами... Производные ныне – главный создатель прибыли банков, специализирующихся в этой области [6, с. 57].

Однако Б. Лиетар не раскрывает грабительского характера соответствующих доходов, например, когда они возникают в результате целенаправленного вовлечения трудящихся в валютные спекуляции.

Б. Лиетар осуждает такой итог валютных спекуляций, как финансовые кризисы, указывает ограбленную сторону:

«Ценность денег определяют игроки «глобального казино», которых меньше всего интересуют подлинные интересы человеческого сообщества... Игра в этом «казино» вызвала международные финансовые кризисы, сотрясавшие Мексику в 1994–1995 годах, Азию в 1997-м и Россию в 1998 году» [6, с. 10]. «Потери распределяются между хозяевами банка и вкладчиками (или правительственной сетью страхования, которая теперь защищает вкладчиков)» [6, с. 62]. «Общественный сектор (правительство – примеч. авт.) – вот чьи деньги уходят на предотвращение финансовых крахов...» [6, с. 75].

Однако Б. Лиетар не показывает, кто и как обо-

гащается в результате финансовых кризисов, ограбление при этом трудящихся (они, по Б. Лиетару, вообще ничего не теряют, благодаря системе страхования вкладов). Конечной жертвой грабежа Б. Лиетар упорно выставляет правительство, не отмечая, что соответствующие средства поступают к нему в виде налогов, значительная часть которых уплачивается трудящимися. Таким образом, обогащение и опустошение, совершаемые посредством современных банковских денег, у Б. Лиетара существуют отдельно, и картина ограбления (обогащения за счет кого-то) не формируется.

Правда, эту картину, ограбления именно трудящихся, Б. Лиетар вынужден раскрыть в отношении такого получившего широкий общественный резонанс способа ограбления, как разница между выплаченными банкам и полученными от банков процентами:

«... Характеристика, свойственная всем национальным валютам, – проценты... Проценты концентрируют богатство, заставляя огромное большинство платить в пользу меньшинства» [6, с. 104–105].

Б. Лиетар даже уточняет содержание этого процесса. Так, он приводит данные исследования выплаченных и полученных процентов для 10 групп домохозяйств (ранжированных по уровню дохода), проведенного в Германии (1982):

«... Идет систематическое перемещение богатства от 80% населения к 10%. Перемещение происходит только благодаря существующей денежной системе; оно не зависит от способностей или профессионализма участников...» [6, с. 111].

На фоне этих данных Б. Лиетар даже трансформируется в обличителя капитализма в целом (на примере США) и денежного капитализма в частности:

«Верхний 1% населения страны имеет теперь больше личного богатства, чем 92%, вместе взятые... Так был ли полезным для социальной справедливости и стабильности единодушный

запрет взимания процентов со стороны всех главных религий – иудаизма, христианства и ислама?» [6, с. 113].

Но из обличителя капитализма, банкиров и современных банковских денег Б. Лиетар быстро превращается в их защитника. Выше уже было показано, что вина за финансовые кризисы, вызванные валютными спекуляциями, сваливается Б. Лиетаром на каких-то игроков глобального казино. Б. Лиетар также заводит речь о какой-то «мировой» финансовой системе, устраивающей соответствующие атаки на страны:

«На этом новом рынке... миллиарды могут притекать или утекать из экономики за секунды. Предположим, что ваша валюта находится под давлением: всего лишь 5% главных торговцев создают о ней «отрицательное представление»... Сегодня, с объемами в 2 триллиона долларов в день, сдвиг составит 100 миллиардов долларов, и никакой Центральный банк не будет способен ему противостоять» [6, с. 70–71]. «Главное – подчинение власти интересам мировой финансовой системы – уже произошло. Любое правительство в мире, включая самые мощные типа США, фактически полностью зависит от глобальных валютных рынков. Если какое-либо правительство посмеет оспаривать этот финансовый диктат, отток капитала из страны почти мгновенно вынудит его вернуться в реальность» [6, с. 69–70].

«Местные» банкиры за финансовые кризисы никакой вины не несут. Виноваты технические особенности банковского бизнеса:

«Почему банки настолько хрупки? Абсолютный ответ: есть дилемма, которую невозможно разрешить. По природе банковского дела банки берут активы низкорисковые (депозиты) и вкладывают их в активы с высоким риском» [6, с. 62].

Виновато правительство, провоцирующее банки к рискам посредством системы страхования вкладов:

«Поэтому банки испытывают изрядное искушение: пойти на риск, даже если он высок, играть

в азартные игры, надеясь на прибыль» [6, с. 62].

В итоге современная банковская платежная система у Б. Лиетара оказывается верхом платежного совершенства. Она обеспечила современное процветание капиталистических стран:

«Эта дожившая до нас денежная система выглядит так, как если бы проектировщики специально задались вопросом: какой должна быть денежная система, чтобы укрепить наше национальное государство и сконцентрировать ресурсы, обеспечивающие систематическое и конкурентоспособное развитие тяжелой индустрии?» [6, с. 95–96].

И центробанки, в отличие от утверждавшегося выше, могут эффективно исполнять роль спасателей:

«Они выступают в роли «пожарных», или спасателей, при возникновении чрезвычайных обстоятельств – всякий раз, когда отдельный банк или банковская система в целом испытывает трудности» [6, с. 65].

Без банковской системы нельзя обойтись:

«Она играет роль центральной нервной системы, которая определяет ценность активов всех видов в стране» [6, с. 60].

Б. Лиетар подробно рассматривает современные (на момент написания работы) местные валюты, в том числе относимые нами к деньгам трудящихся (валюты, учреждаемые сообществами товаропроизводителей, в частности деньги LETS и «банк времени»), характеризует роль последних в решении важнейших социальных проблем, деля их на валюты, целью использования которых являются: 1) сокращение безработицы и спасение от инфляции, 2) стимулирование сотрудничества и 3) преодоление конфликта между экологической устойчивостью и экономическим ростом [6, с. 214–215]. Однако ученый не показывает, от какого ограбления посредством современных банковских денег местные валюты спасают их пользователей, прежде всего, трудящихся, например, от какого ограбления

спасают валюты, позволяющие сократить безработицу, не характеризует введение этих валют трудящихся как успехи в борьбе трудящихся за возврат им исконного права печатать деньги. В результате противостояние современных банковских денег и современных локальных денег у Б. Лиетара превращается в их сотрудничество, причем состоящее в дополнении первых вторыми, так что за вторыми даже закрепляется уничижительное название «Дополнительные валюты»:

«Существующая денежная система останется главной как минимум в тех сферах экономической деятельности, где предпочтительно конкурентоспособное поведение, а также и в налоговых платежах. То, о чем я говорю – и что уже происходит, – это развитие других, параллельных валютных систем, дополняющих существующую систему. Они возьмут на себя функции, которые национальные валюты выполнять не могут вообще, так как не были предназначены для этого» [6, с. 214].

Таким образом, классовый подход к современным деньгам, демонстрируемый Б. Лиетаром, является весьма непоследовательным, несмотря даже на раскрытие ограбления трудящихся посредством процентов, звучавшее осуждение современных банковских денег и одобрение денег трудящихся.

И предлагаемая Б. Лиетаром реформа платежной системы, несмотря на пафос, фактически есть абсолютизация тех явлений в платежной системе, которые сформировались на момент выхода его книги. Оригинальное имеет место лишь в отношении валюты международных расчетов, которую предлагается унифицировать и сделать валютой с платой за простой. Банковские деньги при этом только укрепляются, превращаясь в единые региональные валюты и даже в международную. При этом реформа находится в логике борьбы с корнем зла современных банковских денег, которым, по Б. Лиетару, являются плавающие валютные курсы (см. выше). Будущее денег в представлении Б. Лиетара – сосуществование и взаимодополнение 4 типов денег.

1. Мировая базисная валюта. Это конкурирующие друг с другом валюты корпораций в виде бонусов на покупки, или скрип-карт, которыми можно оплачивать определенные товары:

«...Наилучший пример... – карточки «полетных миль», ...скрип-карты, выпускаемые авиакомпаниями в качестве специальной валюты, которой можно оплачивать турпоездки, проживание в отелях, поездки в такси и услуги международной телефонной сети» [6, с. 355].

Это также предлагаемая Б. Лиетаром валюта «Терра», рекомендуемая транснациональным корпорациям и как валюта международной встречной торговли [6, с. 479–481]:

«Терра – просто складская расписка, дающая право получить эквивалент стоимости корзины товаров, независимо от того, с какой валютой человек имеет дело. Терра, следовательно, могла бы перечисляться электронным путем, как сегодняшние национальные валюты; она была бы просто стабильна и не подвержена инфляции – а это уже немало; этим не могут похвастаться нынешние национальные валюты» [6, с. 418].

Терра является валютой с демереджем, т.е. платой за простой [6, с. 430], выступая таким образом воплощением соответствующей идеи С. Гезеля [6, с. 416].

Мировая базисная валюта технически представляет собой либо современные банковские деньги, либо те же локальные деньги.

2. Три главные региональные валюты, обслуживающие три главные зоны свободной торговли – Евросоюз (уже существующее евро), АСЕАН и NAFTA [6, с. 481–483].

3. Некоторые национальные валюты – для стран, не присоединившихся к системам региональных валют [6, с. 483].

4. Местные дополнительные валюты, которые в 2020 г. должны обеспечить 20% внутреннего товарооборота наиболее развитых стран [6, с. 485].

Эти 4 типа валют позволят создать «Устойчивое изобилие»:

«...Мир, где различные виды денежных инноваций... сформируют систему успешных профилактических мер против денежно-кредитного краха и создадут целостную экономику, где старая и новая денежные системы будут эффективно балансировать и дополнять друг друга» [6, с. 151].

Не сложно обнаружить, что «целостная» экономика будущего есть тот же капитализм, обеспечить вечность которого посредством данной денежной реформы ставит себе целью Б. Лиетар:

«Проще всего выразить основной тезис устойчивого изобилия так: сейчас возможно сделать капитализм действительно жизнеспособным, инициировав новации в денежной системе» [6, с. 151].

И главным условием вечности капитализма является вечность современных банковских денег. Но одновременно с вечностью последних, Б. Лиетар хочет обеспечить и вечность локального состояния денег трудящихся, исходя еще и из личной заинтересованности. Как выясняется из интервью (Гадаль, 2017), Б. Лиетар занимается консультированием по созданию дополнительных валют [2].

Как было показано выше, классовый подход Б. Лиетара к настоящему денег является совсем поверхностным. Несложно обнаружить, что и будущее денег Б. Лиетар отыскивает в их совсем недавнем прошлом. Этим прошлым фактически являются деньги, представленные в 1930-х гг. (см. ниже).

Если будущее денег, по Б. Лиетару, есть будущее денег по ОИД плюс дополнительные валюты, то история денег у него должна быть историей денег по ОИД и историей сотрудничающих с ними локальных валют. И если считать признаком версии истории денег исторический ряд денежных форм и их первопричину, то история «основных» денег у Б. Лиетара в точности повторяет историю денег ОИД, с той разницей, существенно

приближающей эту историю к реальности, что денежные формы, считающиеся в ОИД полноценными деньгами, в том числе первые монеты правителей, трактуется как символические деньги, очевидно, под воздействием соответствующего характера локальных наличных денег. Эта история последовательного совершенствования символических денег, как и история денег по ОИД, отталкивается от бартера:

«Бартер предполагает, что каждый из участников имеет то, что хочет другой... Стороны должны иметь «соответствие потребностей и ресурсов». Это сильное ограничение к расширению обмена, из-за чего, собственно, и были изобретены деньги как средство обмена» [6, с. 268]. «Бартер – обмен товарами и услугами без участия каких-либо денег – был известен еще на заре человечества. Можно легко представить, как охотник обменивал часть своей добычи на корзину или горшок, сделанный древним ремесленником. Первый мирный обмен между двумя чужими группами почти всегда проходил при помощи бартера. Например, покупка острова Манхэттен Питером Минуитом у местных индейцев – это был бартер, обмен земли на связку бус стоимостью 24 доллара» [6, с. 479].

Ввиду отмеченной особенности истории основных денег у Б. Лиетара, остановимся на характеристике в ней форм денег до бумажных денег правителей включительно. Первыми деньгами были символические деньги-товары и деньги-металлы:

«Как показывает история, деньги определенно появились как вещь – в действительности как невероятное многообразие вещей. Даже не хочу упоминать о формах денег, появившихся совсем недавно, выполненных из бумаги, золота, серебра или бронзы. Дэвис Глин составил полный список предметов, которые когда-либо служили символами стоимости. Среди них, например, янтарь, бусинки, раковины морских моллюсков, барабаны, яйца, перья, гонги, мотыги, слоновая кость, нефрит, бурдюки, цинковки, гвозди, волю, свиньи, кварц, рис, соль, наперстки, лодки из шкур, пряжа и бубенчики, которыми украшают

ослов» [6, с. 90–91].

Первые монеты правителей (вождей, священников и т.д.) имели символический характер:

«Одна из самых старых монет – шумерский кусок бронзы, относящийся приблизительно к 3200 году до Рождества Христова... Шумеры назвали свою первую монету «шекель», и в слове этом «ше» означало пшеницу, а «кель» – единицу измерения, подобную бушелю. Следовательно, эта монета была символом стоимости одного бушеля пшеницы... Более чем через 2000 лет после шумерского шекеля первые греческие монеты были фактически символами, выдававшимися гражданам как доказательство оплаты ими налогов» [6, с. 84–85].

Правительственные бумажные деньги – развитие «символической» истории правительственных денег:

«Первая «современная» бумажная валюта была выпущена в Китае во времена господства династии Тан, при императоре Сяньцзуне (806–821 гг. н. э.), в качестве временной замены традиционных бронзовых монет» [6, с. 31]. «Бумажные деньги... есть валюта, созданная из ничего властью» [6, с. 269].

Появление очередной исторической формы денег объясняется Б. Лиетаром на основе экономического принципа, применяемого к деньгам в общенациональных интересах, хотя появление банковских денег с частичным резервированием почему-то встречает осуждение:

«...Когда печатание бумажных денег (банками – примеч. авт.) стало дополнять чеканку монет, (оно – примеч. авт.) отняло у правящей верхушки государств ведущую роль в создании денег; она перешла к банкам» [6, с. 55].

Стремясь создать параллельную историю локальных денег, Л. Лиетар видит ее начало в экономике подарка:

«...Валюты взаимного кредитования создаются участниками непосредственно в сделке как одновременный дебет и кредит... Валюты взаим-

ного кредитования – просто денежная форма помощи друг другу, которая встроена в почти все традиционные общества» [6, с. 268–269].

В подтверждение этому Б. Лиетар приводит примеры дарообмена из быта ряда изолированных племен (бушмены, племена североамериканских индейцев и пр.), с которыми сталкивались современные европейцы:

«Например, в племени тикопия, живущем на островах Полинезии, на одной свадьбе предусмотрено не меньше 24 различных видов обмена ритуальными дарами! Этот процесс требует нескольких дней!» [6, с. 300].

Валюты взаимного кредитования использовались при феодализме:

«В Южной Франции, например, их обычно называли *aller aux aidats* [6, с. 269]. «Было время, когда люди из деревень шли на помощь друг другу (*aux andats*). Это была традиция взаимопомощи, с необходимостью возникавшая в периоды неурожая» [6, с. 281].

Они использовались и в раннем капитализме:

«Томас Греко нашел ссылки на такие валюты взаимного кредитования в прошлом, в колониальном Массачусетсе» [6, с. 269].

Однако чем ближе к настоящему, тем сложнее Б. Лиетару изображать сотрудничество национальных денег и локальных валют, скрывать их классовое противостояние. Вроде бы всплески локальных валют в порядке сотрудничества с национальными деньгами резонно имели место при наступлении экономических кризисов.

«После немецкой гиперинфляции конца 20-х годов (или кризиса 1929 года в других регионах) буквально тысячи сообществ в разных странах ввели свои собственные, местные валюты. В вашем городе, вероятно, тоже была такая» [6, с. 249–250]. «Дополнительные валюты возрождались во время паники 1837 года, Гражданской войны и кризисов 1873, 1893 и особенно 1907 года» [6, с. 259]. «В 30-е годы дополнительная

валюта выпускалась во всем мире: в Прибалтике и Болгарии, Канаде и Дании, Эквадоре и Франции (проект «Доблесть»), Италии и Мексике, Нидерландах, Румынии, Испании, Швеции, Швейцарии и даже в Китае и Финляндии» [6, с. 258–259].

Но Б. Лиетар не может скрыть того, что исчезновение дополнительных валют в 1930-е гг. произошло в результате не потери в них нужды по причине преодоления безработицы и инфляции, а их повсеместного законодательного запрещения по причине подрыва банковской монополии на выпуск денег. Именно поэтому они были запрещены в Австрии, когда сотни общин решили повторить опыт местной валюты г. Вергль.

«Опыт Вёргля был настолько успешным, что скопированный сначала только в соседнем городе Кицбуле в январе 1933 года уже через полгода оказался востребованным многими... Скоро двести городков Австрии пожелали повторить эксперимент. Это вызвало панику в Центральном банке; он заявил о своих монопольных правах на эмиссию. Община предъявила иск Центральному банку, но суд был проигран в ноябре 1933 года. Дело было отправлено в австрийский Верховный суд и снова проиграно. После этого выпуск «чрезвычайной валюты» стал в Австрии преступлением. / Так Вёргль вынудили вернуться к 30-процентной безработице» [6, с. 258].

Однако затем «классовое» объяснение запрета локальных валют заменяется Б. Лиетаром ошибкой правительств:

«Монетарные ошибки, сделанные в 30-х годах, подробно описаны в любом учебнике экономики. Общее мнение – то, что могло быть временным спадом, стало кошмарной депрессией из-за ошибок, сделанных центральными банками, особенно в Австрии и в США» [6, с. 250].

Чем ближе к современности, тем сложнее выдавать локальные валюты за деньги с особыми социальными функциями. За таковые выдавать удастся лишь наименее ходовые валюты типа

«банк времени», как стимулирующие сотрудничество и взаимопомощь. Выдавать же за таковые массовые деньги типа LETS, а именно за деньги, служащие только для избавления от безработицы и инфляции, Б. Лиетару не только крайне сложно, но и не выгодно как консультанту по их введению. И Б. Лиетар не связывает их современное функционирование с наличием краткосрочных кризисных явлений, лишь объясняя их появление и всплески популярности высоким уровнем безработицы.

«Наиболее часто используемая дополнительная система валюты... – LETS (local exchange trading system, что в переводе означает «местная обменная торговая система»). Она была изобретена в начале 80-х Майклом Линтоном в Британской Колумбии (Канада), ... (которые – примеч. авт.) нашли очень простой, но эффективный способ для привлечения в оборот долларов, циркулирующих в общинах с высоким уровнем безработицы» [6, с. 270].

Как консультанту по внедрению, Б. Лиетару нужно выдавать деньги LETS за эффективную альтернативу современным банковским деньгам, за деньги более доступные, экономичные, безопасные. Именно так характеризуются Б. Лиетаром похожие на LETS деньги швейцарской товарообменной системы WIR. Их доля в экономике постоянно растет, лишь временно реагируя на кризисы – система основана еще в 1935 г. (2950 членов), пережила упадок в результате войны (624 члена в 1945 г.) и вошла в бурный расцвет, не прекращавшийся к моменту написания работы (12567 членов в 1960 г., 24227 – в 1980, более 80 тыс. – в 1999) [6, с. 283]. Б. Лиетар отмечает относительную экономичность и безопасность денег WIR, их общенациональный характер:

«Кредит... имеет очень низкую процентную ставку (1,75% в год), ...комиссионное вознаграждение ограничивается 0,6%...» [6, с. 284]. «Система создает буфер против внешнего удара, вроде внезапного увеличения национальной процентной ставки или других экономических бедствий» [6, с. 284]. «80 тысяч членов, говорящие на четырех языках, живут теперь во всех кантонах стра-

ны» [6, с. 283].

Таким образом, с представленным Б. Лиетаром будущим денег (см. выше) не совпадают ни объемность, ни в итоге коммерческий интерес самого Б. Лиетара.

Не удастся Б. Лиетару и разделить деньги на две части. В деньги с социальными функциями попадают вводимые отдельными капиталистами и местными правительствами деньги, исполняющие «антисоциальные» функции, то есть служащие для ограбления трудящихся, например, карточки полетных миль и деньги с платой за простой. С другой стороны, деньги типа товарных денег, отнесенные к истории национальных денег (см. выше), как раз и выступали локальными деньгами в 1930-е гг., примеры которых приводит Б. Лиетар: хвосты кроликов, морские раковины, деревянные диски [6, с. 252].

Далее, рассмотрим классовый подход к современным деньгам в книге Э. Джексона и Б. Дайсона «Модернизация денег: почему наша денежная система не работает и как это можно исправить» (2012).

В работе рассматриваются разнообразные способы обогащения капиталистов за счет трудящихся (в форме перераспределения дохода от лиц с низкими доходами к лицам с высокими доходами), основанные на использовании в экономике современных банковских денег, хотя их механизмы порой раскрываются не в полной мере. При этом авторы стремятся избежать осуждения, что, однако, с лихвой компенсируется радикальностью некоторых примеров ограбления, а именно обусловленного тем, что выпуск денег в принципе в свое время был доверен банкам. Так, весь процент, полученный банками по кредитам, записывается в дань, которую остальная экономика вынуждена платить банкам за пользование их деньгами:

«...Небанковский сектор должен получать всю денежную массу от коммерческих банков, что приводит к постоянному переводу богатства из остальной экономики в банковский сектор... посредством выплаты процентов... Это плата за то,

что может быть предоставлено практически без каких-либо затрат государством» [1, с. 189–190].

Весь прирост безналичных денег записывается в прибыль банков, полученную за счет населения:

«...С 2002 по 2009 год банки увеличили денежную массу примерно на 1 трлн фунтов стерлингов. Если бы правительство... выиграло от создания этих денег, то жители Великобритании могли бы заплатить налогов на 1 трлн фунтов меньше...» [1, с. 195].

Не проходят авторы книги мимо вскрытого в 1980-е гг. способа ограбления трудящихся посредством банковских денег, которым выступает разница в уплачиваемых банкам и получаемым от них процентах:

«Проценты, которые должны быть выплачены по этому долгу (долгу банкам. – примеч. авт.), приводят к перераспределению богатства от низших 90% населения (по доходам) к высшим 10%, усугубляя неравенство» [1, с. 17].

Также приводятся способы ограбления трудящихся капиталистами, обусловленные особенностями именно современных банковских денег:

«С 1980-х годов фокус денежно-кредитной политики переключился на контроль инфляции потребительских цен с помощью процентных ставок» [1, с. 47]. «Предложение кредитов зависит от того, в какой степени банки заинтересованы в предоставлении займов. В благоприятных экономических условиях банки заинтересованы выдавать как можно больше кредитов, создавая при этом деньги, стремясь максимизировать прибыль, и этот процесс усугубляется существованием секьюритизации, страхования вкладов, внешних факторов и конкуренции. Регуляторные факторы, которые призваны ограничить создание денег, такие как требования к капиталу, нормативы резервирования и установление процентных ставок Комитетом по денежно-кредитной политике по целому ряду причин неэффективны» [1, с. 15].

В этих условиях:

«...Банки направляют подавляющее большинство своих кредитных ресурсов к непроизводительным инвестициям, таким как ипотечное кредитование и спекуляции на финансовых рынках. Это... приводит к росту цен на этих рынках, привлекая спекулянтов, что приводит к увеличению объемов кредитования, повышению цен (на этих же рынках. — примеч. авт.) и так далее в процессе самоусиления. Это известно как пузырь цен на активы» [1, с. 15–16].

Соответственно, в книге рассматриваются способы ограбления трудящихся капиталистами, связанные с ростом цен на недвижимость и финансовые активы, правда, без раскрытия их механизма. Поясним, что он состоит в вызванной ростом этих цен переплате лицами с низкими доходами за активы — строителям, эмитентам финансовых активов и спекулянтам, за аренду недвижимости — арендодателям, за банковские кредиты — банкам, то есть в переплате лицам, выплачивающим доходы богатым (в виде зарплат, дивидендов, процентов). Э. Джексон и Б. Дайсон резюмируют:

«Повышение цен на жилье стало механизмом передачи богатства от домохозяйств с низкими доходами к домохозяйствам с более высокими доходами... Увеличение прибылей банков также имело эффект перераспределения богатства в пользу децилей с более высоким уровнем дохода... Значительное увеличение банковского кредитования финансового сектора... привело к росту цен на активы. Это принесло непропорциональную пользу финансовому сектору (включая инвестиционные банки), сотрудники которого, как правило, также сосредоточены в децилях с более высокими доходами» [1, с. 191].

В книге не раскрываются классические способы ограбления, основанные на использовании в экономике банковских денег, а именно кризисы, вызываемые банковскими деньгами, хотя и подчеркивается, что именно безудержное банковское кредитование обуславливает экономические кризисы.

«В то время как рост цен на активы и денеж-

ной массы может создать впечатление здоровой, растущей экономики, этот «бум» на самом деле подпитывается растущим объемом долга (поскольку любое увеличение денежной массы является результатом увеличения объема заимствований)... Домохозяйства и предприятия не могут брать на себя постоянно растущий уровень задолженности, и когда те или иные начинают объявлять дефолт по кредитам, это может вызвать цепную реакцию, которая приведет к банковскому кризису, более широкому финансовому кризису и рецессии в масштабах всей экономики» [1, с. 16].

Суть вышеуказанных способов состоит в том, что лица с низкими доходами, лишившись в кризис значительной части доходов, прежде всего трудовых (вследствие безработицы), и не имея денежного запаса для возврата долгов или даже для поддержания существования, оказываются вынужденными продавать принадлежащие им активы по сниженным ценам лицам с высокими доходами, вследствие чего приносимые этими активами доходы переходят от первых к последним.

Однако рассматривается такой современный способ ограбления трудящихся капиталистов посредством кризисов, вызванных банковскими деньгами, как правительственная помощь банкам за счет средств налогоплательщиков:

«...Помощь банкам и рецессия приведут... к увеличению государственного долга... Увеличение государственного долга сверх определенного уровня... приводит к жесткой бюджетной экономии со стороны правительства, что приводит к сокращению государственных услуг, на которые часто полагаются люди с низкими доходами» [1, с. 192].

Следует отметить, что, несмотря на общую сдержанность, Э. Джексон и Б. Дайсон характеризуют действия капиталистов или их подклассов на денежном фронте и в терминах осуждения, а именно лишения доступа к благам, обмана, зла, побеждающего добро, безответственности, отсутствия демократии, например:

«Большая часть денег... направляется на строительство жилья, ...цены на жилье растут быстрее, чем рост зарплат... Жилье становится недоступным, ...большое количество людей использует недвижимость в качестве... пенсионного обеспечения, ...не осознавая, что рост цен искусственно подпитывается ростом ипотечного кредитования и предложением денег... Банки... часто выбирают экологически вредные проекты, а не более долгосрочные благоприятные инвестиции... Нынешняя денежно-кредитная система предоставляет невероятную власть в руки банков, которые не несут никакой ответственности перед обществом. Количество денег, создаваемых банковским сектором, дает ему больше возможностей для формирования экономики, чем всему нашему избранному правительству, однако понимание этой власти очень слабое. Это значительный недостаток демократии» [1, с. 17–18].

Существенным недостатком классового подхода в рассматриваемой книге является то, что в ней не получают освещения итоги борьбы трудящихся за возврат себе права денежной эмиссии, а именно использование в современной экономике дополнительных валют LETS и валют-времени с целью исключения ограбления трудящихся посредством капиталистических денег, косвенные успехи трудящихся по возврату себе права печатать деньги.

Сообразно видению Э. Джексоном и Б. Дайсоном корня зла современных банковских денег – возможность их безудержного выпуска банками, и предлагаемая ими денежная реформа. Вот как коротко выглядят их предложения:

«...Лишить банки возможности создавать деньги... Банковское кредитование фактически будет переводить ранее существовавшие деньги от вкладчиков к заемщикам, а не создавать новые деньги... У них (у клиентов банков – примеч. авт.) будет четкий выбор между сохранением своих денег в целостности и сохранности, доступностью по первому требованию, но отсутствием начисления процентов или подверганием их риску на фиксированный или минимальный период

времени, чтобы получать проценты» [1, с. 18].

Поясним, что для этого предлагается перевести общие суммы счетов до востребования коммерческих банков на баланс центробанка, заменив их в балансах коммерческих банков обязательствами перед центробанком на эти суммы («обязательство по конвертации»). При этом коммерческие банки продолжают, как в обычном порядке, вести клиентские текущие счета. Срочные же счета остаются на балансах коммерческих банков [1, с. 280–285].

«...Деньги будет создавать независимый, но подотчетный государственный орган, известный как Комитет по созданию денег (КСД), ... если инфляция будет низкой и стабильной. Вновь созданные деньги будут вливаться в экономику одним из пяти методов, четырьмя из которых являются: а) государственные расходы, б) снижение налогов, в) прямые выплаты гражданам или г) погашение государственного долга... У Банка Англии есть механизм предоставления банкам средств, которые могут быть использованы только для кредитования производительных предприятий (метод д – примеч. авт.)» [1, с. 18–19].

Положительные последствия реформы таковы:

«Долгосрочный переходный период позволяет значительно сократить задолженность физических лиц и домохозяйств, поскольку в экономику вливаются новые деньги, а существующие выплаты по кредитам банкам возвращаются в экономику в виде денег, свободных от долгов» [1, с. 19].

Поясним, что бывшие «кредитные» деньги теперь не исчезают из экономики, потому что возврат кредитов выглядит как перемещение денег со счета средств клиентов на счет инвестиционного пула коммерческого банка, открытого ему в центробанке.

«...Экономика будет менее способна поддерживать пузыри цен на активы. В результате финансовая нестабильность уменьшилась бы, в то время как последствия банкротств банков

или дефляции были бы гораздо слабее... Физические лица могут выплачивать свои долги, не сокращая денежную массу... Правительство получает дополнительный источник дохода (сеньораж. — примеч. авт.), снижая как потребность в налогах, так и потребность в заимствованиях. Многие негативные воздействия нынешней денежно-кредитной системы на окружающую среду уменьшаются в соответствии с сокращением цикла бумов и спадов. В частности, снижается давление с целью отмены экологического регулирования в периоды спадов, равно как и постоянная потребность в росте для обслуживания долга, ...адресный характер инвестиционных счетов означает, что инвестиционные приоритеты банков начинают отражать инвестиционные приоритеты общества... Реформированная система гарантирует, что создание денег является одновременно прозрачным и подотчетным парламенту» [1, с. 20].

Заметим, что перед нами фактически предложенная И. Фишером в 1930-е гг. реформа банковской системы типа «100% деньги» в варианте профессора Анджели (см. статью Ю. И. Будович «Классовый подход к настоящему денег и история денег»).

Классовый подход к настоящему денег в книге Э. Джексона и Б. Дайсона по уровню последовательности является средним между таковыми М. Кеннеди и Б. Лиетара. Соответственно, и прообраз предлагаемых ими денег в истории денег, представленной в ОИД, они должны отыскивать где-то между первыми правительственными деньгами и деньгами, представленными в 1930-е гг. Им стали бумажные деньги правительств. Именно развитием их идеи (создание банка на базе казначейства) фактически является предлагаемая Э. Джексоном и Б. Дайсоном платежная система.

Покажем, что и история денег, представленная в ОИД (исторический ряд денег до банковских денег), пересматривается в книге Э. Джексона и Б. Дайсона менее радикально, чем в работе М. Кеннеди (начальная история денег), но более радикально, чем в книге Б. Лиетара.

Э. Джексон и Б. Дайсон соглашаются с теорией происхождения денег антрополога Дэвида Гребера, отрицающего происхождение денег из неудобств бартера:

«Нет никаких доказательств того, что это когда-либо происходило, и огромное количество доказательств, указывающих на то, что этого не было» [1, с. 34–35].

Исходный товарообмен имел форму обмена подарками, а затем — и обмена ущербом и штрафами, и обслуживался деньгами, которыми выступали валюты взаимного кредитования. Первыми правительственными деньгами также были валюты взаимного кредитования:

«...Товары передавались бесплатно с оговоркой, что лицо, получающее их, должно будет в какой-то момент отплатить за услугу... Использовали неясно определенную систему долгов и кредитов. / Количественная оценка этих долгов и кредитов — первый шаг в развитии денег как единицы счета... — возникла как следствие реакции общества на споры и вражду, ...когда мы начинаем подсчитывать гораздо более конкретные долги обществу, системы штрафов, сборов и пени, или даже долги, которые мы должны конкретным людям, которым мы каким-то образом причинили зло... Таким образом, были установлены соотношения между различными товарами для определения того, был ли подарок или обида надлежащим образом компенсированы... Это создало деньги как единицу счета... Аналогичные доказательства представлены экономистом и историком Майклом Хадсоном, который прослеживает появление денег как единицы учета для месопотамских храмов и дворцовых администраций в 3500 году до н.э.» [1, с. 34–36].

Как они работали правительственные валюты, по М. Хадсону, можно уточнить с помощью книги самого Д. Гребера:

«Базовой денежной единицей был серебряный сикель. Его вес был равен одному гуру, или бушелю ячменя. Сикель делился на 60 мин, каждая из которых соответствовала одной порции ячменя: поскольку месяц состоял из 30 дней,

то каждый храмовый работник ежедневно получал по две порции ячменя... «Деньги» в данном случае... были созданы бюрократами (правительством. – примеч. авт.) для того, чтобы отслеживать использование ресурсов и распределять вещи. / Храмовые бюрократы использовали эту систему, чтобы устанавливать размер долгов (ренд, сборов, займов и т.д.) в серебре. Серебро, собственно, и было деньгами... Хотя долги исчислялись в серебре, ...их могли выплачивать вообще чем угодно. Крестьяне, которые были должны денег храму, или дворцу, или же какому-нибудь храмовому либо дворцовому чиновнику, долги возвращали в основном ячменем, поэтому установление соотношения серебра к ячменю имело такое значение. Но долг можно было погасить и козами, мебелью или лазуритом» [3, с. 43–44].

Таким образом, первыми деньгами были деньги трудящихся или деньги LETS, вводимые правительствами, никаких товарных денег не было.

Деньги-металлы возникли из мены драгметаллов, захваченных солдатами в качестве добычи, на товары первой необходимости:

«Деньги в виде драгоценных металлов, отлитых в монеты, появились гораздо позже, в трех отдельных местах (северный Китай, северо-восток Индии и вокруг Эгейского моря) примерно между 600 и 500 годами до н.э. В этот период «война и угроза насилия были повсюду», и, как уточняет Гребер, это стало основной причиной перехода от удобных кредитных и долговых отношений к использованию драгоценных металлов в качестве денег... Солдаты, как правило, имеют доступ к большому количеству добычи, большая часть которой состоит из золота и серебра, и всегда будут искать способ обменять ее на лучшие вещи в жизни» [1, с. 36].

Первые монеты были отчеканены ювелирами и лишь затем стали чеканиться правительствами:

«Ювелиры вскоре начали наносить на эти драгоценные металлы символику и таким образом создали монеты. Однако эти частные деньги

были почти сразу вытеснены монетами, изготовленными правителями, которые ввели монеты в обращение, расплачиваясь ими со своими армиями. Затем они обложили все население налогом, подлежащим уплате только этими монетами, таким образом гарантируя, что они будут приниматься в общем платеже» [1, с. 37].

Происхождение очередных денег Э. Джексон и Б. Дайсон объясняют на основе экономического принципа, применяемого к деньгам в общенациональных интересах. Так, ряд успехов, достигнутых банкирами в развитии банковских денег (безудержного банковского кредитования), рассматривается как результат ошибок правительства, а не активных действий банкиров, например, невключение банковских депозитов в Закон о банковской хартии 1844 года, ограничивший право выпуска частных банковских денег и в итоге отменивший частные банкноты, что трактуется как возврат государству права создавать деньги [1, с. 14]:

«...Невключение банковских депозитов в законодательство 1844 года позволило банкам продолжать создавать близкую замену деньгам в виде бухгалтерских проводок, которые можно было использовать для осуществления платежей другим лицам посредством чека. Появление электронных платежных средств (дебетовых карт и интернет-банкинга) сделало эти бухгалтерские проводки более удобными для использования в качестве денег, чем наличные. В результате сегодня банковские депозиты составляют подавляющее большинство денег в экономике... Более 97% денег существует в форме банковских депозитов (бухгалтерских обязательств банков), которые создаются, когда банки выдают кредиты или покупают активы» [1, с. 14].

Другой пример – отказ Банка Англии в 1971 г. от прямого контроля над банковским кредитованием (темпами роста денежной массы) в пользу использования процентной ставки, когда были сняты ограничения на банковское кредитование, а объем ликвидных активов, удерживаемых банками под залог своих депозитов, был сокращен с 28% до 12,5%, в результате чего запасы

ликвидности банков к концу 1970-х гг. составили лишь 5% от общей величины их активов [1, с. 46–47]. Понятно, однако, что объяснение корня зла современных банковских денег ошибками правительства является важным обоснованием предлагаемой в книге реформы.

Все же отдельные примеры классовой борьбы вокруг денег в рассматриваемой версии НИД есть. Так, описывается борьба Карла I с ювелирами за возрождение королевской монополии на обмен монет:

«В средневековой Англии не было частных обменных пунктов, на базе которых могли бы развиваться банки, поскольку это была королевская монополия, связанная с монетными дворами... Монополия, однако, со временем ослабла, в связи с чем Карл I попытался возродить ее в 1627 году, но был вынужден «тщетно бороться с растущей мощью ювелиров, которые прекратили свое обычное ремесло и превратились [в] менял серебра и иностранных монет на наши английские монеты, хотя они не имели на это права...» [1, с. 38].

Как было показано выше, в рассмотренных работах классовый подход к денежному настоящему, хотя и в разной степени, но характеризуется непоследовательностью. В статье Ю. И. Будович «Классовый подход к настоящему денег и история денег» было показано, как это обобщается тем, что реформы сохраняют де-

нежную власть (право на выпуск денег) класса капиталистов, вместо того, чтобы передать ее трудящимся, и реально выступают отражением прикрываемой заботой о положении трудящихся борьбы между теми или иными подклассами капиталистов за возможность преимущественного обогащения посредством денег. М. Кеннеди и Б. Лиетар сохраняют эту возможность за банковской системой, а Э. Джексон и Б. Дайсон – делят ее между банкирами и правительственными чиновниками, отвечающими за величину денежной массы.

И совершенно ясно, что такие реформы не приводят к прекращению обогащения капиталистов за счет трудящихся посредством денег, потому что, во-первых, сохраняется их ограбление собственными деньгами (в виде платы капиталистам за пользования ими), во-вторых, капиталисты, сохранив денежную власть, не откажутся от ограбления с помощью денег, тем более сами реформаторы обещают лишь его уменьшение (уменьшение масштабов явлений, приводящих к нему). Это ограбление будет сохраняться даже в силу технических причин, потому что никто, кроме самих трудящихся, лучше не знает, какие деньги и какой кредит им нужны. Следовательно, реформы, не связанные с переходом к деньгам трудящихся, всегда будут денежными реформами, проводимыми в интересах капиталистов в целом и особых интересах их отдельных подклассов.

Библиографический список

1. Jackson A., Dyson B. *Modernising Money: Why Our Monetary System is Broken and How it Can be Fixed*. – London, UK : Positive Money, 2012. – 410 с.
2. Гадаль Е. Бернар Лиетар: «Криптовалюты – разновидность дополнительных валют» / ИнвестФорсайт. – URL: <https://www.if24.ru/bernar-lietar-kriptovalyuty/?ysclid=lu6ow199y810994898> (дата обр. 13.04.2024).
3. Гребер Д. *Долг: первые 5000 лет истории*. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 528 с.
4. Кеннеди М. *Деньги без процентов и инфляции*. – М. : Самотека, 2011. – 98 с.
5. Лебедев К. Н. // *Экономические науки*. – 2023. – 11 (228). – С. 194–207. – DOI: [10.14451/1.228.194](https://doi.org/10.14451/1.228.194).
6. Лиетар Б. А. *Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру*. – М. : Астрель, 2007. – 493 с.